

УДК 327.5(5-15)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННЫХ АРАБСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Н.М. Букуев

Раскрываются основные геополитические и геоэкономические причины революций на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: глобализация; демократизация; мировое господство; финансово-олигархический капитал; мондиализм; неолиберализм; международные финансовые организации.

GEOPOLITICAL AND GEOECONOMICAL ORIGINS OF THE MODERN ARAB REVOLUTIONS

N.M. Bukuev

The article describes the main geopolitical and geo-economic causes of the revolutions in the Middle East.

Key words: globalization; democratization; world domination; financial oligarchic capital; modalism; neoliberalism; the international financial institutions.

События, произошедшие на Ближнем Востоке и Северной Африке и получившие название “арабской весны”, в очередной раз ярко выявили одну из важнейших проблем современной политической науки – в каком соотношении среди причин революций определяются внутренние факторы и внешнее влияние. Полемика по данному вопросу ведется уже давно, с XIX в., но особенно она стала актуальной в эпоху крушения социалистической мировой системы и резкого ускорения процессов глобализации. Дилемма выглядит следующим образом: либо революции происходят благодаря внутренним особенностям длительного развития той или иной страны, либо наиболее уязвимые точки опоры того или иного государства искусственно усугубляют внешние акторы, исходя из своих геополитических и геоэкономических интересов.

Для обоснования первого подхода С. Хантингтон разработал концепцию о волнах и откатах демократизации за последние 200 лет, сведенные к определенным закономерным этапам развития человеческого опыта [1]. Так, он определяет, что первая волна демократизации приходится на 1828–1926 гг., источником которой послужили Американская и Великая Французская революция. Началась она в США, а потом последовали революции 1830–1831 гг. (Франция, Дания, польское восстание), “весна народов” в 1848–1849 гг. (Франция, Германия, Италия), “пробуждение Азии”

в начале XX в. (Турция, Иран, Китай), распад империй после Первой мировой войны в Европе и образование на их обломках новых демократических государств (Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, Польша, Чехословакия, Венгрия, Югославия). В 1922–1942 гг. происходит откат, характеризуемый установлением тотальных и жестко авторитарных режимов в Латинской Америке и Европе (СССР, Германия, Испания, Португалия, Венгрия, Румыния).

Вторая волна демократизации является кратковременной (1943–1962), связанной с крахом Германии и ее сателлитов во Второй мировой войне, обретением независимости многими странами Азии и Африки. Происшедший же после этого “откат” (1958–1975) характеризуется созданием коммунистических режимов во Вьетнаме, Лаосе, Кубе, а также приходом к власти военных в странах Латинской Америки (Аргентина, Чили, Бразилия), Африки (Египет), Азии (Пакистан), Европы (Греция).

Третья же волна демократизации началась в 1974 г. с “революции гвоздик” в Португалии и свержения диктатур в Греции и Испании.

Несколько иначе дает периодизацию волн демократизации Ф. Шмиттер, который считает, что первая волна началась с 1848 г., вторая – после Первой мировой войны, третья – после Второй мировой войны, четвертая – с 1974 г., которая началась с революционного установления на

Филиппинах, Тайване, в Южной Корее демократических преобразований и закончилась “бархатными революциями” в Восточной Европе (Польша, Чехословакия, ГДР, Венгрия, Болгария, Румыния) и распадом Советского Союза [2].

Исходя из вышесказанного, современные политологи, оценивая события в мире за последние 20 с лишним лет, либо считают (по Хантингтону), что началась четвертая волна демократизации, либо (по Шмиттеру) полагают, что она продолжается. В связи с этим возникают споры по определению “арабской весны” – куда ее отнести: либо к четвертой волне демократизации, либо она – запоздалый этап третьей волны в странах “третьего мира” (где несколькими годами ранее прогремели “цветные революции”), обусловленный значительным отставанием социально-экономического и политического развития.

Несмотря на определенную стройность и убедительность подобной схемы, необходимо все же признать ее несколько общую теоретическую направленность, так как она практически игнорирует взаимоотношения между государствами и блоками в историческом контексте. Стратегические войны геополитической составляющей ведущих стран мира в XXI веке фактически не рассматриваются адептами данного подхода. Кстати, наверно не случайно, что этот подход был сформирован западными учеными, безусловно, под влиянием политико-экономической элиты атлантических стран.

В процессе ожесточенной борьбы в XIX–XX вв. между великими державами за мировое и региональное господство довольно быстро наряду с традиционными методами воздействия на государств-соперников (военной и дипломатической) были созданы системы, выполняющие экономическое давление, и схемы, направленные на дестабилизацию внутреннего положения этих государств. При этом, чтобы четко и ясно представлять закономерности всемирно исторического процесса за последние 200 лет, необходимо понимать главные цели и задачи тех, кто стремится навязать всем странам и народам мира так называемый “новый мировой порядок”, который также известен как “глобализация”.

Глобализация предполагает разрушение традиционного общества как такового вследствие его стремления к независимости и самостоятельности. Данный макроподход направлен на разрушение ментальных, социально-политических, финансово-экономических и прочих проявлений традиционализма наций-государств [3, с. 51]. Японский политолог К. Омэ в 1990 г. определял под глобализацией состояние мировой экономики, сформиро-

ванной финансово-экономической деятельностью США, странами Евросоюза и Японии, при этом утверждая, что экономический национализм отдельных государств стал бессмысленным [3, с. 50]. Теоретическим обоснованием такого подхода являются концепции мондиализма, неомальтузианства и неолиберализма. Например, идеологи мондиализма отрицают суверенные права народов над их территорией и ресурсами [2, с. 49]. Окончательно сформировавшиеся во второй половине XX в. транснациональные корпорации (ТНК) и соответственно транснациональный финансовый олигархический капитал (ТФОК), созданные с основной целью – получение и сохранение сверхприбылей во всем мире, полны сил и стремлений и дальше укреплять свои позиции. Единственным препятствием для их экспансии являются государства, не входящие в американо-атлантический блок, отсюда и главная задача – различными методами добиться их политической и экономической дезинтеграции, при этом надо особо отметить – не взирая ни на какие преграды и препятствия, руководствуясь правилом “цель оправдывает средства”. Еще в 1968 г. З. Бжезинский, один из ведущих идеологов радикального мондиализма, писал, что “наша эпоха не просто революционная – мы вошли в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории. Мир стоит на пороге трансформации, которая по своим историческим и человеческим последствиям будет более драматической, чем та, что была вызвана французской или большевистской революциями <...> в 2000 г. признают, что Робеспьер и Ленин были мягкими реформаторами” [3, с. 46]. Нам отлично известно о потоках крови, пролитых по вине этих “мягких реформаторов”, значит, по планам апологетов ТНК и ТФОК, мир в ближайшем будущем ожидает невиданное ранее беспрецедентное сокращение населения Земли. Фундаментом для подобного прогноза являются рассуждения о “золотом миллиарде”, с одной стороны, и всеяческое раздувание экологических проблем – с другой. В связи с этим с 70-х гг. XX в. начал осуществляться практически глобальный неоколониальный (можно даже сказать супернеоколониальный) мондиальный проект, ориентированный не на внешнюю экспансию, а на введение политическими средствами в экономическую зависимость всего незападного мира с целью перераспределения его ресурсов в интересах транснациональной финансовой олигархии Запада [2, с. 59–60].

Распад СССР и крушение мировой социалистической системы внесли существенные коррективы в данный план, так как, как тогда казалось, США стали надолго единственной великой

державой, то можно применять и силовые методы, которые позволят значительно сокращать подготовительный этап глобального проекта в той или иной стране.

В 1947 г. в США был принят закон “О национальной безопасности”, из которого вытекало, что военное присутствие предполагалось только в ключевых стратегических точках мира (проливы, транспортные коридоры, месторождения энергоносителей, места добычи полезных природных ископаемых; территории, где происходило противостояние с геополитическими соперниками). При этом, как отмечает Н. Хомский, США для достижения мирового господства абсолютно не церемонились и со своими “союзниками”. Так, после Второй мировой войны американцы полностью вытеснили Великобританию с ее традиционных рынков в Латинской Америке и силой удалили ее с Аравийского полуострова. Кроме того, применяя стратегию силового принуждения, США выдворила французов и англичан с Ближнего Востока, захватив при этом большинство их концессий. Предшественниками такой стратегии являлись: доктрина Монро (20–30 гг. XIX в.), выступавшая под лозунгом “Америка для американцев” и политика “открытых дверей”, выдвинутая в 1899 г., которая сводилась к комплексу внешнеполитических и военных мероприятий, направленных на то, чтобы “открыть” финансово-экономические и политические системы других стран для американского присутствия [3, с. 19].

Таким образом, четко просматривается поступательное развитие амбиций политико-финансовой олигархии США: в XIX в. – контроль над Северной и Южной Америкой; в первой половине XX в. – равное присутствие с другим великими державами (Англия, Германия, Россия, Франция) в различных регионах мира при стремлении изменить баланс в свою пользу и после окончания Второй мировой войны – глобальное доминирование, несколько ограниченное СССР до его распада.

На современном этапе первостепенной угрозой для американских ТНК и ТФОК являются “национальные” и “националистические” режимы, которые “несут ответственность за навязывание народу политики, направленной на немедленное повышение низкого жизненного уровня масс” и на “поощрение экономического развития, нацеленного на удовлетворение внутренних потребностей страны”, при этом отмечается, что подобная политика вступает в конфликт с потребностями в “политическом и экономическом климате, благоприятствующем частным инвестициям”, гарантирующим вывоз прибылей и “защиту нашего сы-

рья” [3, с. 29]. Как видим, гиперамбиции финансовой олигархии США привели ее к тому, что сырье других стран она считает “нашим”. В этой связи небезынтересно высказывание одного из высокопоставленных сотрудников администрации Буша в 2007 г.: “Россия обладает настолько уникальными богатствами, что не вправе распоряжаться ими самостоятельно” [3, с. 29].

Важнейшими инструментами экспансии ТНК и ТФОК после Второй мировой войны стали Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ), взявшие за основу своей деятельности концепцию неолиберализма, главный постулат которого заключается в том, что государство обязательно устраняется от экономического регулирования, а рыночные механизмы сами обеспечивают распределение ресурсов оптимальным образом. Следовательно, в мировой современной экономике, где господствующие позиции на рынках принадлежат ТНК, по сути дела и заниматься реформированием экономики слаборазвитых стран будут они, исходя из собственной выгоды. Поэтому вполне можно согласиться со следующим определением политики МВФ, которая заключается в демонтаже национального политического суверенитета стран-заемщиков в интересах международного капитала; в осуществлении жесткого контроля над действиями национальных правительств и в обеспечении соответствия проводимой ими политики потребностям иностранных “инвесторов” [4, с. 209]. Фактически система “оказания помощи” международными финансовыми организациями (МФО) является ростовщической, когда должник очень часто попадает в кабалу, выплачивая огромные проценты, которые довольно быстро начинают превышать изначальный долг.

В колониальный период, при господстве метрополии в политическом плане над колониями, методы применения концепции либерализма не нуждались в изощренной завуалированной политике. Так, историк экономики П. Вейрог считает, что “нет сомнений, что экономический либерализм, навязанный третьему миру в XIX в., являлся важнейшим инструментом его индустриализации” [3, с. 28]. Первой жертвой либерализма в экономике стала Индия, которая из мировой промышленной мастерской и центра мировой торговли была превращена в бедное аграрное общество.

С крушением колониальной системы после Второй мировой войны, естественно, политика меняется, и на первый план выходит система предоставления финансовой “помощи” странам, которые вступили на путь экономического реформирования. Так, по плану Маршалла, помощь США

странам Латинской Америки была жестко увязана с покупкой американской сельхозпродукции, и в результате американский экспорт зерновых в 1950 г. увеличился до 50 % в мировой торговле, а экспорт зерна из Аргентины сократился на 2/3 [3, с. 23]. Благодаря политике МВФ в Руанде было разрушено сельское хозяйство и спровоцирован геноцид тутси, а все денежные запасы страны “плавно” перетекли в западные банки [3, с. 103]. В Эфиопии США и МВФ развалили сельское хозяйство и экономику, что привело к массовому голоду в 1990–2000-х гг., так как зерно из страны вывозилось в огромных количествах за рубеж для покрытия внешнего долга. Фактически программы международной помощи стали, по мнению ряда экспертов, не спасением от голода, а его причиной [4, с. 384].

Подобные действия МВФ уничтожили экономику Сомали и Индонезии, что привело в этих странах к этническим и конфессиональным столкновениям. Итогом неолиберальной политики в Аргентине стало то, что западные инвесторы (в основном из США) приобрели все, что их интересовало, а внешний долг резко возрос, хотя реформы в стране вроде бы проводились; перестало функционировать большинство промышленных предприятий и наконец – решение выплачивать внешний долг пенсиями и пособиями граждан.

“Шоковая” терапия в Боливии привела к разрушению производства, что превратило ее в нарко-республику. Неолиберальные реформы в Мексике привели ее к такой невиданной до этого нищете, что, по мнению западных аналитиков, Мексика сейчас находится на грани гражданской войны [4, с. 188]. В 1980 г. у Венесуэлы внешний долг составлял 29 млрд долларов, для его сокращения обратились в МВФ, следуя его указаниям, провели в стране реформы, в результате которых за 10 лет страна только по процентам выплатила 311 млрд долларов.

Кстати, надо отметить, что рекомендации сторонников неолиберализма и монетаризма по сокращению безработицы выглядят крайне интересно. Так, М Фридман, Т. Саргент, Р. Люкс-младший считают, что снизить естественный уровень безработицы с помощью государственного регулирования можно только сокращением расходов на социальные программы и жесткой финансово-бюджетной политикой (сокращение пособий, “замораживание” заработной платы, ослабление влияния профсоюзов), т. е. необходимо создать такие условия, при которых безработные будут вынуждены идти на любую работу и на любых условиях, естественно, выгодных для работодателей.

Подводя итоги, можно представить своеобразный портрет экономики тех стран, которые с 1965 по 1995 гг. при активном содействии США пытались “спасти” МВФ. Из 89 стран (в том числе и Кыргызстан), следующих рекомендациям МВФ, 48 находятся в намного худшей ситуации, чем тогда, когда начали получать финансовую “помощь” МВФ, 32 – стали перманентными должниками. В результате “поддержки” бедным странам в среднем их совокупный внешний долг увеличивается ежегодно на 5 %, и каждый день они суммарно платят только по процентам 200 млн долларов.

Внешний долг стран третьего мира вырос к 2004 г. до 2,5 трлн долларов, а стоимость его обслуживания, т. е. проценты – до 375 млрд долларов в год.

Справка по Кыргызстану. В Кыргызстане на май 2013 г. общий внешний долг составил 3 млрд 63 млн долларов. Больше половины суммы составляют обязательства перед ВБ и МВФ. Объем внешнего долга на сегодняшний день составляет 58,1 % к ВВП. Пик выплат по внешним обязательствам придется на 2015–2020 гг., когда республика будет выплачивать не только проценты, но и основной долг, который она по обязательствам перед МВФ и ВБ должна полностью погасить к 2050 г. Основная рекомендация МВФ по навязыванию экономических реформ – невмешательство государств в экономику (в противовес развитым странам, где протекционистская политика государства в экономике довольно сильна).

В августе 1996 г., говоря о “восточноазиатском чуде”, председатель Совета экономических советников при президенте США отметил, что “правительство взяло на себя основную ответственность за осуществление здесь экономического роста”, отбросив теории, основанные на самоорганизации рынков, Южная Корея, говорит он, отвергла неолиберализм, и действовала в согласии с экономическим развитием США и Европы [2, с. 226]. Следовательно, можно сделать вывод, что неолиберализм был специально разработан в качестве теоретического обоснования порабощения “незападных” стран. Механизм внедрения неолиберализма в рыночную экономику этих стран довольно прост. Сначала кредиторы всячески уверяют заемщиков, что проблемы в их странах связаны исключительно с “чрезмерным” вмешательством государства в экономику, потом проводится приватизация наиболее значимых объектов экономики, когда государственная элита за бесценок получает бывшую государственную собственность, что создает резкий разрыв между ней и большей частью народа; следующий этап – предоставление крупных

займов, которые идут на что угодно (в основном “на демократизацию гражданского общества”, реформы в системе госуправления, образования, развитие народных промыслов, празднование юбилейных дат и т. д.), но только не на развитие реального сектора экономики, при этом создается ситуация, когда те, кто их представляет, – международные финансовые организации – почему-то практически не контролируют их расходование, тем самым изначально давая понять местной политической элите, что кредиты на “демократию” можно и не совсем, а также совсем не на это потратить, т. е. присвоить. Первоначально подобные схемы по созданию и управлению коррумпированной элитой общества были отработаны в Панаме, Эквадоре, Аргентине, результатом чего стало то, что исполнительная и политическая власть позволила западным ТНК законодательно легитимировать и практически осуществить разграбление этих стран. В результате “прикормленные” экономические структуры получают выгодные контракты с иностранными компаниями, что делает их, безусловно, лидерами в своих сегментах рынка [3, с. 195].

С 1996 г. МФО заявили о необходимости борьбы с коррупцией, что стало еще одним рычагом воздействия на постсоветские страны и государства “третьего мира”. По этой схеме любой лидер той или иной страны может быть обвинен в коррумпированности. В общем же на устранение “авторитарных” (коррумпированных) правительств и обеспечение распространения западной демократии предоставляются новые льготные кредиты. Помощь оказывается в форме содействия в организации выборов, судебной реформы, обучения работников средств массовой информации, поддержки гражданского общества [3, с. 189].

Итак, на основе вышеизложенного можно сделать основной вывод: цель ТНК и ТФОК по обеспечению своего доминирующего положения

в мире особенно активизировалась после Второй мировой войны благодаря созданию МФО. Была отработана четкая схема – создание “режима нестабильности” в тех странах, которые обращались за помощью в МФО, после чего любые попытки правительств этих государств выйти из глубокого политического, экономического и социального кризиса могли трактоваться США и их западными партнерами как решение отойти от “основополагающих демократических ценностей”, что создавало предлог для активного вмешательства во внутренние дела данных государств. Однако методы экономического и политического давления, по сути своей, растянуты на довольно долгий временной промежуток. Поэтому всегда присутствовало стремление более быстро добиваться своих целей либо путем военного вмешательства, либо путем “экспорта” революций. Характерно высказывание одного из апологетов доминирования США в мире Дж.Ф. Кеннана, который несколько лет тому назад советовал американскому правительству “прекратить разговоры о смутных и нереальных целях вроде прав человека, повышения жизненного уровня и демократизации” и “действовать с помощью непосредственно силовых концепций, не стесняя себя идеалистическими лозунгами” [3, с. 29].

Литература

1. *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies / S.P. Huntington. New Haven: Yale University Press, 1968.
2. *Плейс Я.* Глобальные войны демократизации и их воздействие на Россию / Я. Плейс // Полит. ру. 13 апреля. 2009.
3. *Калверт П.* Революции / П. Калверт. М.: Юкона, 1994. 368 с.
4. *Иванов С.Г.* Роль внешнеполитических факторов в процессах трансформации экономики Кыргызской Республики: монография / С.Г. Иванов. Бишкек: КРСУ, 2009. 300 с.